

УДК 4414; 1751, ББК 67.53, ГРНТИ 10.85.31, КОД ВАК 12.00.12

Д. Л. Ханзафарова, И. Р. Абитов

Казань, Россия

ДИСКУССИЯ О ПРАВАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

В статье освещается практика производства психолого-лингвистических экспертиз и исследований по материалам, связанным с обсуждением взаимоотношений между татарами и русскими, а также по текстам, представляющим собой реакцию на государственную национальную политику. Авторы проводят исторический экскурс, описывая истоки конфликта и этапы его развития. Описываются особенности национального оппозиционного дискурса в Республике Татарстан, раскрывается специфика конфликта малого народа и власти. Дается описание социально-политической ситуации, сложившейся в Республике Татарстан. В статье приводятся теоретические основания исследования текстов в рамках межгруппового конфликта, раскрываются понятия «этнос», «этническая идентичность», «относительная депривация», «социальная установка», описываются приемы оказания психологического воздействия на адресата. Также в статье приводится технология производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы материалов, отражающих межгрупповое конфликтное взаимодействие. Выделены несколько групп предоставленных на экспертизу материалов в соответствии с наличием или отсутствием в них признаков экстремистских значений и с тем, кто является их адресатом: представители органов государственной власти, оппоненты в межгрупповом конфликте или представители «чужой» этнической группы. При анализе подобных материалов предлагается выделять основную тему, которой посвящен материал, отношение автора к освещаемой проблеме, группе лиц или описываемым действиям, а также социально-психологическую направленность данного материала. Авторы обращают внимание на сложности, которые могут возникнуть при производстве подобных экспертиз, и предлагают способы их преодоления, опираясь на свой экспертный опыт. При этом они выделяют лингвистические и психологические признаки материалов, содержащих «экстремистские значения».

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, экстремизм, национальная идентичность, межгрупповой конфликт, государственная национальная политика.

Сведения об авторе: Диля Линаровна Ханзафарова, магистр юриспруденции, заведующий специализированным экспертным отделом по производству экспертиз и

экспертных исследований по делам, связанным с проявлением экстремизма, ФБУ Средне-Волжский региональный центр судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации. 420043, Казань, ул. Лесгафта, д. 33. E-mail: d.khanzafarova@yandex.ru

Сведения об авторе: Ильдар Равильевич Абитов, кандидат психологических наук, государственный судебный эксперт ФБУ Средне-Волжский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, доцент кафедры психологии личности Института психологии и образования ФГАО ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420043, Казань, ул. Лесгафта, д. 33. E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

D. L. Khanzafarova, I. R. Abitov

Kazan, Russia

DISCUSSION ABOUT RIGHTS OF NATIONAL MINORITY AS THE OBJECT OF FORENSIC ASSESSMENT

The article deals with forensic expertise of texts dedicated to inter-ethnic relations between the Tatars and the Russians and reactive texts dedicated to state nationality policy. The authors' attention is drawn to the problem of distinguishing between legitimate protection of the Tatars' rights and extremist actions. The authors are explaining peculiar origins of inter-ethnic conflict by describing its stages of development in history. The features of national opposition discourse are described. The article reveals the specificity of conflict between the national minority and the federal government. The current situation in socio-political sphere in the Republic of Tatarstan is described. The article gives theoretical basis for research of texts referred to the intergroup conflict. The concepts of «ethnos», «ethnic identity», «relative deprivation», «social attitude» are explicated, the methods of providing psychological influence on the addressee are described. The article also gives the technology for the complex psychological forensic study of materials reflecting conflict intergroup engagement. Several groups of materials provided for the forensic examination have been singled out in accordance with the presence or absence of signs of extremist ideas as well as the type of addressee of a text (representatives of state authorities, opponents in intergroup conflict or representatives of a «foreign» ethnic group.) When analyzing such materials, it is proposed to distinguish the main subject which the material is devoted to (it could be group of persons, description of an action or some ideology), the attitude of the author to the subject, and the author's communicative purpose. The authors pay attention to the difficulties that may arise during forensic studies and, relying on the personal experience in this sphere, suggest ways to overcome them. At the same time, they distinguish linguistic and psychological features of materials containing so-called «extremist meanings».

Key words: comprehensive forensic psychological and linguistic expertise, extremism, nationality identity, intergroup conflict, state nationality policy.

About the author: Dilya Linarovna Khanzafarova, Master of Law, manager of the specialized expert department, forensic expert-linguist of Midle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice of the Russian Federation. 420043, Kazan, ul. Lesgafta, 33. E-mail: d.khanzafarova@yandex.ru

About the author: Ildar Ravilievich Abitov, Candidate of Psychology, assistant professor of Department of Developmental and Clinical Psychology, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, forensic expert-psychologist of Midle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice of the Russian Federation. 420043, Kazan, ul. Lesgafta, 33. E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

На сегодняшний день в составе Российской Федерации насчитывается 22 национально-государственных образования (республики), имеющих собственные конституции, столицы, а также языки, которые наравне с русским языком имеют статус государственных языков. Будучи особой формой государственности в составе федерации, республиканская форма учитывает интересы малого народа, проживающего на обозначенной территории. Мультикультурная и мультинациональная среда неизменно предполагает наличие недопонимания, споров и противоречий, которые могут приобретать различные формы и масштабы проявления. Яркий пример подобного взаимодействия – коммуникация, осуществляемая на территории Республики Татарстан.

На протяжении более чем двадцати лет между Российской Федерацией и Республикой Татарстан действовали условия Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан. В частности, одним из пунктов договора являлось установление государственного статуса русского и татарского языков, предполагающее обязательное изучение татарского языка в школах, дублирование законов и подзаконных актов, принимаемых на территории Республики Татарстан, на русском и татарском языках, обязательное владение высшими должностными лицами обоими языками [Договор о разграничении:

URL; Федеральный закон № 199-ФЗ от 24.07.2007: URL]. Окончание срока действия договора 11 августа 2017 года и отказ Президента РФ В. В. Путина продлять его были болезненно восприняты татарской общественностью. Это событие породило множество дискуссий, беспокойств, собраний и митингов.

В ходе исследования текстов, предоставленных экспертам для проведения судебного психолого-лингвистического исследования, были условно выделены две группы авторов. К первой группе относятся активисты, общественные и политические деятели, а также граждане, демонстрирующие свою точку зрения о необходимости приобретения Татарстаном независимого статуса, сторонники сохранения обязательного изучения татарского языка в школах. Их оппонентами – представителями второй группы – отстаиваются права русскоязычного населения республики. В настоящем исследовании основной фокус сосредоточен на первой группе – лицах, отстаивающих права татар как национального меньшинства. Приведенное разграничение весьма условно, поскольку в нём де-факто учитываются общественные позиции оппонентов, при этом национальная идентичность авторов высказываний и, как следствие, их языковая принадлежность не ложатся в основу деления. Так, идею обязательного обучения татарскому языку могут поддерживать и представители иных национальностей, в то время как некоторые этнические татары сознательно уходят от коммуникации на татарском языке, предпочитая ей общение на более распространенном русском языке.

Активность различных национальных движений неизбежно привлекает внимание правоохранительных органов, как следствие, экспертной оценке подвергаются материалы, связанные с деятельностью Всетатарского общественного центра (ВТОЦ), Татарского патриотического фронта «Алтын Урда», Союза татарской молодежи «Азатлык», а также высказывания отдельных лиц.

Очередной пик активизации в обсуждении вопросов межэтнического взаимодействия пришёлся на осень 2017 года и был связан с исключением из образовательных программ обязательных часов изучения татарского языка.

Происходящее в Республике Татарстан можно рассматривать как межгрупповой конфликт, поводом для которого послужили окончание срока действия указанного договора и отказ Президента РФ В. В. Путина его продлять. Данный конфликт не является этническим, поскольку сторонами конфликта не являются представители двух этносов (татары и русские), но в основе данного конфликта лежит конфликт интересов, часть из которых затрагивает этническую идентичность татар. В связи с этим предпримем экскурс в социальную психологию.

Ю. Б. Бромлей понимал под этносом «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании» [Клецина 2008: 133–134]. Представители любого этноса обладают важной социально-психологической характеристикой – этнической идентичностью, то есть осознают себя как представителей одной группы. Одним из наиболее важных этнодифференцирующих признаков является язык. В связи с этим представителями этноса наиболее остро воспринимаются ситуации, связанные с ограничением в использовании, изучении их языка.

С точки зрения одного из наиболее известных исследователей агрессии в социальной психологии Берковица, одним из главных факторов, влияющих на проявление межгрупповой враждебности, является относительная депривация, то есть оценка положения своей группы как более плохого по сравнению с другой группой. Так, в ситуации конфликта представители одной из сторон или обеих апеллируют к более тяжелому положению их группы в связи с действиями или бездействиями представителей другой группы [Гришина 2008: 121]. В рассматриваемой нами ситуации для активистов татарских националистических организаций и граждан, разделяющих их взгляды, признаком относительной депривации послужила информация о возможной отмене обязательного изучения татарского языка в школах республики и об изменении статуса

Республики Татарстан (далее – РТ) в составе Российской Федерации (потеря статуса суверенной республики).

Еще одной социально-психологической категорией, важной для понимания коммуникативного поведения сторон в описываемом конфликте, является «социальная установка». Г. Олпорт определял социальную установку как состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом [Клецина 2008: 60]. Социальные установки (аттитюды) являются компонентами мировоззрения человека и связаны с его личной историей и убеждениями и взглядами, разделяемыми и транслируемыми его семьей и ближайшим окружением. Таким образом, часть лиц, высказывания и тексты которых подвергались экспертизе, с одной стороны, проявляет свое гиперидентичное отношение к группе «татары» (придает особое значение своей принадлежности к данной группе, наделяет представителей данной группы исключительно положительными качествами), а с другой стороны, проявляет враждебное, отрицательное отношение к группе «русские» (приписывает ее представителям негативные качества, стремится создать дистанцию с представителями данной группы, например, побуждая их переехать в другие города).

Говоря о приемах оказания психологического воздействия, необходимо отметить, что наиболее часто встречающимся является убеждение. Причем автором может использоваться как логическая аргументация с опорой на факты, так и эмоциональная, при которой основной тезис приводится с опорой на эмоции и потребности адресата (например, актуализируется состояние тревоги и страха в связи с возможностью «исчезновения» татарского языка, его забвения).

Коммуникацию, попадающую в поле экспертного анализа, можно разделить на три категории:

1) тексты, в которых очевидно проявляются т.н. «экстремистские» значения – как правило, в подобных текстах в качестве «чужой» группы выделяются русские как группа лиц по национальному признаку;

2) тексты на общественно-политическую тематику, адресованные

оппонентам;

3) тексты на общественно-политическую тематику, целевым адресатом которых являются представители власти.

Следует отметить, что в экспертной практике попадаются и примеры типичного конфликтного дискурса между русскими и татарами, представителями иных национальных меньшинств – подобные высказывания неизменно содержат лингвистические и психологические признаки унижения и возбуждения вражды по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному признаку, либо по отношению к отдельным её представителям.

Однако в большинстве случаев в качестве объектов исследования выступают именно политизированные высказывания общественно активных граждан, относящиеся к текстам категорий (2) и (3).

Так, активисты могут обращаться с лозунгами на митингах, пикетах, составлять официальные обращения к представителям власти. Например, в ходе митинга на одной из центральных площадей г. Казани были развернуты плакаты следующего содержания: *«ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА! СОБЛЮДАЙТЕ КОНСТИТУЦИЮ РТ! КТО НЕ ЗНАЕТ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК – СДАЙТЕ МАНДАТЫ!»*, *«ТРЕБУЕМ ОТСТАВКИ ЗЛОСТНЫХ НАРУШИТЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИИ РТ! ОНИ НЕ ЗНАЮТ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РТ!* (далее – перечисление чиновников и занимаемых ими должностей)».

В ходе экспертного анализа были выделены несколько дискурсивных особенностей, касающихся, в частности, системы аргументации активистами собственной позиции.

Защитниками интересов национального меньшинства в качестве основной ценности выделяется суверенитет Татарии, реализующийся в равноценном русскому использованию татарского языка (в том числе, его обязательном изучении в образовательных учреждениях), признании статуса Татарстана как субъекта общественного права, увеличении доли собственных доходов республики и т.д.

Основную трудность при анализе смыслового содержания подобных текстов составляет раскрытие побуждения к неким действиям, целью которых является «борьба за суверенитет (независимость)». В ходе проведенного анализа установлено, что глагол «бороться» содержит значение «добиваться цели, отстаивать что-то путем решительного действия» [Кузнецов 1998: 92]. Контекст употребления слова «бороться» свидетельствует о том, что подразумевается противостояние мирными, закрепленными законодательством способами: *«[мы должны] бороться за независимость <...> мы должны обращаться в международные организации и опираться на демократическое мировое сообщество», «если оскорбляют твой народ, ты обязан встать на защиту его чести».*

Независимость Татарстана – проблема, которая обсуждается на протяжении долгих лет, а пути её решения в разное время обретали различные оттенки и имели разные последствия. Так, на протяжении всего XX века существовала концепция создания автономного Урало-Волжского Штата (тат. Идел-Урал, 1917) [Татарская энциклопедия 2014: 35–36]; в конце 1980-х гг. была разработана программа ТОЦ, было выдвинуто предложение об изменении статуса ТАССР на союзный [Якупова 2001: 29]. Историко-культурный контекст обсуждения статуса Татарии свидетельствует о том, что сам по себе призыв к борьбе за суверенитет не может рассматриваться в качестве призыва к отделению от России, то есть к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Видится закономерным, что в большинстве материалов, представленных в распоряжение экспертов, в качестве «чужой» группы лицами, отстаивающими права татарского населения, выделяются представители органов государственной власти России – русские же, как этническая группа, за исключением ранее описанных примеров, оцениваются как равные либо не оцениваются вовсе.

Как следствие, в подобных текстах отсутствует оппозиция «свой» – «чужой» по национальному признаку, в качестве «врага» рассматривается

государственная власть. Для раскрытия конфликта между татарским государством и Кремлем показательны памятные дни, посвященные воинам, погибшим при защите Казанского ханства от войск Ивана IV – 1552 год рассматривается активистами как отправная точка в истории ущемления прав татар [Якупова 2001: 28, 204]. Неоднократно активисты используют эмоционально-оценочную лексику, демонстрируя негативное отношение к указанному историческому факту: *«[это был] захват с последовавшими геноцидом, колонизацией и религиозными репрессиями»*.

Безусловно, в абсолютно всех материалах обсуждаемой тематики присутствует позитивная этническая идентичность, в ряде случаев переходящая в гиперидентичное отношение к татарам. Особую трудность в экспертной практике представляют материалы, в которых для обозначения «чужой» группы всё же используются номинации с корнем «рус-» (например, *«русские шовинисты»*). Так, в ряде случаев пейоративные номинации употребляются для маркировки мировоззрения лиц, целиком и полностью поддерживающих власть, которая, по мнению авторов, учитывает только интересы русских как титульной нации. К лицам, активно поддерживающим идею отмены обязательного обучения татарскому языку, выражается негативное отношение, их поведение и действия оцениваются как угрожающие национальному самосознанию, национальной идентичности татар. Также в текстах по указанной тематике имеется оценка действий обозначенной группы лиц как угрожающих безопасности населения и мирному сосуществованию татар и русских: *«Баня и называя русофобом любого (даже русского), выступающего против их желания убрать государственный статус татарского языка и его обязательное преподавание в школах, оскорбление “травоядных” татарских деятелей культуры и науки, интеллигенции – “татарскими нацистами” (они не знают, как выглядят настоящие татарские нацисты и хорошо бы, чтобы не узнали) и пр. своими неразумными действиями, они уже довели ситуацию до противостояния. При этом многие оболваненные рядовые русские татарстанцы, ведутся на один из их лозунгов (не преподавать татарский язык*

русским), при этом не зная, что юридически в РФ невозможно поделить детей по нац. признаку (это противозаконно) и отменить татарский, как и ввести татарский только для русских или татар. <...> В итоге, татарские пользователи, видя эту оголтелую татарофобию, впадают в русофобию, видя в русских угрозу татарам и Татарстану. <...> властям РФ надо срочно громить русских шовинистов в РФ, пока они не разожгли пожар». Как видно из приведенного фрагмента, в тексте отсутствует противопоставление «татары – представители иных национальностей», «говорящие на татарском языке – не говорящие на татарском языке».

В ходе обобщения вышесказанного выделены следующие характерные особенности речевого поведения лиц, борющихся за суверенный статус Татарстана и соблюдение прав татар как этнического меньшинства:

1) апелляции к национальной идентичности татар и религиозной идентичности мусульман (например, строительство православного храма преподносится как действие, направленное на *«искоренение Татарского духа Казани»* и полную ассимиляцию татарского народа, мусульманского населения республики);

2) обвинение оппонентов в татарофобии;

3) обращение к истории: взятие Казани войском Ивана Грозного в 1552 г. оценивается как знаковое событие, после которого татары утратили статус независимого народа;

4) апелляция к потребности в безопасности и сохранению своей национальной идентичности;

5) выражение негативного отношения к действиям органов государственной власти РФ;

6) обвинение оппонентов в противоправных действиях;

7) солидаризация с другими тюркскими народами (казахи, киргизы и т.д.), указание на самобытность развития тюркских языков (отказ от кириллицы, возвращение к руническому алфавиту или латинице);

8) обвинение представителей органов государственной власти РФ в

незнании татарского языка.

При психологическом анализе данных материалов было установлено, что их целевая направленность чаще всего определяется стремлением авторов продемонстрировать негативное отношение к действиям органов государственной власти РФ и РТ, связанным, по мнению авторов, с ущемлением прав татар, стремлением убедить адресата в правильности своей точки зрения, побуждением адресата к отстаиванию прав татарского народа (публикации в социальных сетях, официальные обращения к представителям органов государственной власти РФ и РТ и т.д.). Однако встречаются материалы, направленные на демонстрацию негативного отношения к русским, проживающим на территории Республики Татарстан, и формирование у них готовности к переселению в города, находящиеся вне национальных республик («русские города»): *«Не хотите принимать верховенство Татарского народа в Татарии – велкам то Москвау, Петербург, Пермь, Челябинск, Екб, Нижний...»*.

Для достижения поставленных целей авторами чаще всего используются рациональная и эмоциональная аргументация, апелляция к патриотическим чувствам адресата, к историческому опыту. В то же время при демонстрации негативного, пренебрежительного отношения к «чужой» группе (русским) могут быть использованы и невербальные средства: так, в одном из материалов в качестве иллюстрации к тексту было использовано изображение деклассированной женщины с иконой в руках (образ, обобщающий представление о группе «русские») [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 25-40].

Таким образом, зачастую экспертной оценке подлежат материалы, в которых при наличии «своей» группы, выделяемой по национальному признаку, а также описания конфликтной ситуации отсутствует соответствующая целевая направленность, и, как следствие, совокупность компонентов какого-либо из т.н. «экстремистских» значений. Вместо межэтнического конфликта экспертной оценке подлежит общественно-политическое противостояние, что, при отсутствии побуждения населения республики к выходу из состава Российской

Федерации, не может быть рассмотрено как действие, попадающее в категорию экстремистских.

В то же время ряд материалов имеет стандартные формы проявления межэтнического конфликтного дискурса и содержит лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальной принадлежности и побуждения к дискриминирующим действиям (переезд в города, не находящиеся на территории национальных республик).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2008.
2. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 26.06.2007. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfrt/dogovor/>.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я. СПб., 1998.
4. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
5. Практикум по социальной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб., 2008.
6. Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. А. М. Мазгаров, ответ. Ред. Г. С. Сабирзянов. Казань, 2014. Т. 6.
7. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 199-ФЗ «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>.
8. Якупова В. А. 100 историй о суверенитете. Казань, 2001.

REFERENCES

1. Grishina N. V. *Psychology of Conflict* [Psihologiya konflikta]. St.Petersburg, 2008.
2. *The Agreement between Russian Federation and Republic of Tatarstan «On the delimitation of the subjects of competence and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan»*, 26.06.2007 [Dogovor Rossijskoj Federacii i Respubliki Tatarstan «O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochij mezhdru organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami gosudarstvennoj vlasti Respubliki

Tatarstan» ot 26.06.2007]. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzfrft/dogovor/>.

3. Kuznecov S. A. *The Great Dictionary of Russian language* [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A-YA]. St.Petersburg, 1998.

4. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. *Methodology of forensic psychological and linguistic examination of materials in cases involving countering extremism and terrorism* [Metodika provedeniya sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj ehkspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodejstviem ehkstremizmu i terrorizmu]. Moscow, 2014.

5. *Workshop on social psychology / edited by Kleckina I. S.* [Praktikum po social'noj psihologii / pod red. I. S. Klecinoj]. St.Petersburg, 2008.

6. *Tatar Encyclopedia: in 6 volumes* [Tatarskaya ehnciklopediya: V 6 t.]. Kazan, 2014. Vol. 6.

7. *Federal law of July 24, 2007 No 199-FZ «On approval of the Treaty on the delimitation of competencies and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan»* [Federal'nyj zakon ot 24 iyulya 2007 g. No 199-FZ «Ob utverzhdenii Dogovora o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochij mezhdou organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami gosudarstvennoj vlasti Respubliki Tatarstan»]. URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>.

8. Yakupova V. A. *100 stories about sovereignty* [100 istorij o suverenitete]. Kazan, 2001.